Структура свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Гапонов Кирилл Владимирович
Адъюнкт, Восточно-Сибирский институт МВД России, gaponov_kvirk@mail.ru

Статья посвящена анализу принципа свободы оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает данный принцип прежде всего как познавательную деятельность, структурными элементами которой выступают субъектный состав, гносеологическая природа внутреннего убеждения и нормативные критерии оценки. Особое внимание уделено разграничению формального круга лиц, уполномоченных принимать процессуальные решения, и всех участников процесса, объективно вовлечённых в оценку доказательств как в мыслительную деятельность. Показана роль эмоциональной составляющей в формировании чувства уверенности или сомнения, а также обоснована необходимость замены критериев «закон» и «совесть» интегрирующим понятием профессионального правосознания.

Ключевые слова: уголовный процесс, свобода оценки доказательств, принципы уголовного судопроизводства, внутреннее убеждение, субъекты оценки доказательств, профессиональное правосознание, совесть, присяжные заседатели.

Свобода оценки доказательств традиционно понимается как принцип, согласно которому судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Данный принцип позволяет соотносить критерии оценки с обстоятельствами отдельно взятого уголовного дела, обеспечивая тем самым возможность производства по нему, и служит основой для принятия процессуальных решений. При более детальном рассмотрении обнаруживается, что его содержание не сводится к декларации независимости правоприменителя при реализации своих функций.

Цель настоящей статьи заключается в анализе структурных элементов данного принципа и в постановке вопроса о существе оценки как мыслительной деятельности, а также о круге участников, способных к оценке как таковой.

Нормативная основа принципа выражена в ст. 17 УПК РФ, помещённой в гл. 2 Кодекса, что придаёт ему императивную силу и обеспечивает непосредственное регулятивное воздействие на всех этапах производства по уголовному делу. Уже на этом уровне проявляется двойственная природа свободы оценки. Для лиц, перечисленных в ч. 1 указанной статьи, она является не столько правом, сколько обязанностью, требующей от них самостоятельно определить относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств. Присяжные заседатели, включённые в этот перечень, также реализуют принцип свободы оценки, и их внутреннее убеждение формируется преимущественно на основе обыденного правосознания и жизненного опыта, что подчёркивает универсальность психологического механизма, лежащего в основе любой оценочной деятельности. Эта универсальность заставляет задуматься о том, насколько полно законодатель очертил круг субъектов, способных к оценке.

Принадлежность свободы оценки доказательств к числу принципов уголовного судопроизводства в литературе признаётся не всеми. О.А. Тарнавский называет в числе признаков принципа нормативное закрепление, действие на всех этапах производства и способность служить организационной основой уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 77]. В.С. Балакшин, напротив, пришёл к выводу, что свобода оценки доказательств «не является принципом уголовного судопроизводства в методологическом смысле» [2, с. 78], и предложил сосредоточить несколько принципов оценки в одной статье гл. 11 УПК РФ [2, с. 79]. С таким выводом трудно согласиться. Оценка доказательств предшествует каждому процессуальному решению, от возбуждения уголовного дела до постановления приговора, и положения ст. 17 УПК РФ отвечают признакам, выделенным О.А. Тарнавским.

Соотношение ст. 17 УПК РФ с положениями гл. 10 и 11 УПК РФ, регламентирующими доказательства и доказывание, традиционно воспринимается как взаимодействие принципа и частных норм. Подобное разграничение сложилось под влиянием исторического контекста становления исследуемого принципа и представлений о назначении судопроизводства. Думается, свободу оценки правильнее рассматривать как метод перехода от фактических данных к процессуальным решениям, структура которого неотделима от процессуальной формы. Для понимания этой структуры необходим анализ трёх её элементов, а именно субъектного состава оценки, природы внутреннего убеждения и содержания критериев, которыми это убеждение ограничивается.

Первый структурный элемент связан с вопросом о том, кто именно вовлечён в оценочную деятельность. Буквальное прочтение ч. 1 ст. 17 УПК РФ даёт закрытый перечень из пяти субъектов. На первый взгляд такое ограничение выглядит логичным, поскольку именно эти лица уполномочены принимать процессуальные решения, определяющие движение дела. На этом основании А.Р. Белкин полагал, что «правом оценки доказательств наделяются лишь субъекты первой группы», то есть органы и должностные лица, для которых доказывание составляет обязанность [3, с. 26], а С.Н. Хорьяков и А.Ю. Гордеев пишут, что «существует определенный круг уполномоченных субъектов, которые осуществляют оценку доказательств»

[4, с. 142]. Обращение к реальной структуре уголовно-процессуальных отношений обнаруживает иную картину. Потерпевший, подвергшийся преступному посягательству, неизбежно формирует своё внутреннее убеждение относительно обстоятельств произошедшего, виновности или невиновности подозреваемого, полноты и достоверности собранных доказательств. Это убеждение находит выражение в показаниях, ходатайствах и жалобах, и от степени его уверенности нередко зависит активность потерпевшего в процессе доказывания. Аналогичным образом подозреваемый и обвиняемый оценивают собранные против них доказательства, определяют позицию защиты, принимают решение о даче показаний или отказе от них. Защитник, опираясь на профессиональное правосознание, осуществляет предварительную оценку сведений, собирает и представляет доказательства, заявляет ходатайства. Без сформированного убеждения он не смог бы оказывать квалифицированную юридическую помощь. Гражданский истец и гражданский ответчик, отстаивая свои интересы, связанные с возмещением имущественного вреда и компенсацией морального вреда, также постоянно соотносят имеющиеся материалы с обстоятельствами причинения вреда.

На неполноту законодательного перечня указывалось и ранее. И.В. Макеева отмечает, что законодатель распространил действие принципа на ряд субъектов, «не указав при этом защитника» [5, с. 101]. А.А. Черакшева и Е.И. Шигурова предлагают упомянуть в ст. 17 УПК РФ иных участников со стороны обвинения и защиты, оценивающих доказательства, по внутреннему убеждению, и связывают это с правом собирать доказательства, которое им предоставляет ст. 86 УПК РФ [6].

Круг субъектов, реально осуществляющих оценку, оказывается, следовательно, значительно шире законодательного перечня. В основе этого расхождения лежит смешение способности к мыслительной деятельности и права на принятие властного решения. Внутреннее убеждение как познавательный процесс от процессуального статуса не зависит. Для принятия решения, влекущего правовые последствия, закон предоставляет особый статус ограниченному кругу участников, и иные участники при этом также сопоставляют, сомневаются и приходят к собственным выводам. Их убеждение имеет иную процессуальную природу и выступает предпосылкой реализации принадлежащих им прав, основанием решения оно не становится. С.В. Корнакова, признавая, что «право итоговой (окончательной) оценки доказательств принадлежит суду», обосновывает необходимость проверки достоверности доказательств уже в ходе расследования [7, с. 72], что указывает на многоуровневый характер оценки. Признание за сторонами способности к оценочной деятельности придало бы их ходатайствам значение оценочных суждений, подлежащих учёту при принятии решения, и позволило бы сторонам участвовать в самой оценке, противопоставляя своё убеждение убеждению властного субъекта.

Проблема усечённого субъектного состава проявляется и в сложностях, возникающих при попытке стороны защиты ввести собранные ею сведения в систему доказательств. Если защитник опросил лицо с его согласия (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ), следователь вправе отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении протокола опроса, сославшись на то, что эти сведения не имеют значения для уголовного дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Если же следователь самостоятельно допрашивает указанное лицо, он вправе избрать собственную тактику допроса. Фактически сведения, собранные защитником, не обретают статуса доказательств в смысле ст. 74 УПК РФ, поскольку не получены предусмотренным законом способом и не проверены надлежащим субъектом доказывания. Монополия на проведение оценки блокирует в данном случае оценку, производимую иным участником.

Своеобразно положение присяжных заседателей, названных в ч. 1 ст. 17 УПК РФ наряду с профессиональными субъектами. А.О. Машовец и Д.С. Иванов подчёркивают, что, являясь «судьями факта», присяжные заседатели «не участвуют в оценке доказательств с точки зрения допустимости» [8, с. 33]. Их оценка охватывает относимость, достоверность и достаточность тех доказательств, которые исследованы в их присутствии после разрешения председательствующим вопросов допустимости.

Второй ключевой элемент структуры образует само внутреннее убеждение. Как отмечает Н.Н. Пилюгина, «понятие внутреннего убеждения необходимо рассматривать исключительно как результат оценки доказательств, то есть как познавательно-психологический результат деятельности субъекта оценки доказательств в уголовном процессе». Такое убеждение, по её мнению, должно иметь в основе совокупность доказательств, исследованных полно, всесторонне и объективно, вследствие чего применительно к важнейшим процессуальным решениям закон требует приводить доказательства и мотивы, по которым они оценены как достоверные или недостоверные [9, с. 109]. А.О. Машовец также видит во внутреннем убеждении результат мыслительной деятельности, на формирование которого влияние «оказывает правосознание судьи, эмоции, чувства, возможная предубежденность» [10, с. 106], В.С. Балакшин выделяет в убежденности субъекта доказывания познавательный и психологический аспекты [2, с. 80]. Внутреннее убеждение всегда индивидуально, и произвольным оно быть не должно. В его составе можно выделить знание об исследуемом событии, отношение к истине, чувство уверенности или сомнения, субъективное отношение к явлениям внешнего мира и субъективную готовность действовать.

Анализировать эти элементы в отрыве от эмоциональной составляющей невозможно. И.В. Макеева называет внутреннее убеждение единственным эмоциональным элементом в процессе оценки доказательств [11, с. 27]. Представляется, что эмоциональная окраска присуща всем стадиям оценки, и ещё А.Р. Белкин указывал, что «чувственное познание пронизывает все фазы собирания, исследования и оценки доказательств» [3, с. 5]. Чувство уверенности или сомнения складывается из эмоциональной вовлечённости субъекта в процесс оценки, которая включает собственно эмоциональное переживание и эмоциональную уверенность в своих действиях, знаниях и умениях. Существенное влияние на когнитивные процессы способны оказывать ярость и страх. Ярость, возникающая в условиях информационного дефицита, искусственно компенсирует недостаток данных и порождает иллюзию полноты знания, укрепляя чувство уверенности там, где объективных оснований для неё ещё недостаточно. Страх сигнализирует о дефиците сведений, необходимых для контроля над ситуацией, и порождает сомнение, которое может как парализовать готовность действовать, так и побудить к более тщательному поиску. Применительно к оценке доказательств это означает, что чувство уверенности или сомнения всегда эмоционально окрашено и чисто логическим выводом не бывает.

Знание, отношение к истине, чувство уверенности или сомнения и готовность действовать не могут быть верно интерпретированы без учёта эмоциональной составляющей, поскольку убеждение есть знание, ставшее верой, то есть знание, в истинности которого человек не сомневается. Эмоциональное действует совместно с логическим, и оптимальное убеждение формируется при их сбалансированном взаимодействии. В уголовном судопроизводстве этот баланс обеспечивает профессиональное правосознание, через которое проходят и собственная эмоциональная оценка субъекта, и объективные данные, содержащиеся в доказательствах. А.В. Победкин отмечал, что «мыслительная деятельность, которой и является оценка доказательств, не может быть формализована», а формальные требования закона «предъявляются только для формирования предмета оценки (совокупности доказательств, которая оценивается)» [12, с. 106]. Закон очерчивает объективные пределы оценки, правосознание служит для субъекта нравственно-психологической основой внутренней независимости и одновременно удерживает его от субъективизма.

Изложенное позволяет рассматривать внутреннее убеждение одновременно как метод и как итог оценки доказательств. Как метод оно есть свободная, хотя и не произвольная мыслительная деятельность, в рамках которой эмоциональная оценка фактов неизбежна и всегда опосредована логикой и требованиями закона. Как итог внутреннее убеждение представляет собой сформированную на основе всей совокупности доказательств уверенность, которая становится единственным допустимым основанием процессуального решения. В нём объединяются знание, логика, эмоции и воля.

Свобода внутреннего убеждения ограничена процессуальной формой. Т.Ю. Вилкова указывает, что принцип предоставляет субъекту «также и внутреннюю свободу оценки доказательств», и требование основываться на совокупности доказательств и законе «должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений» [13, с. 1009–1010]. Д.В. Зотов в качестве гарантии внутренней убеждённости называет личное восприятие доказательств из первоисточника и устное обсуждение материалов дела [14, с. 658]. А.Н. Халиков предлагает закрепить в законе независимость как самосто-

ятельный критерий оценки [15, с. 173], поскольку «оценка доказательств не должна зависеть от любых внешних политических или иных влияний» [15, с. 180]. Перечисленные гарантии носят внешний характер, внутренние ориентиры оценки определяются критериями, названными в ст. 17 УПК РФ.

Третий элемент образуют критерии «закон» и «совесть», призванные определять границы свободы внутреннего убеждения. Их рассмотрение показывает, что содержание этих критериев не обладает той степенью определённости, которая необходима для их единообразного применения.

Категория совести раскрывается различными авторами неодинаково. В.Л. Будников полагает, что совесть характеризует нравственную природу всей процедуры доказывания, выступая свойством личности, позволяющим соотносить свои действия с общественной моралью [16, с. 43–44]. Я.П. Ряполова и Д.Е. Снегирева, соглашаясь с этой позицией, рассматривают совесть как общепризнанную нравственную константу, отражающую моральные устои общества [17, с. 155]. А.В. Победкин понимал требование руководствоваться совестью как обязанность принимать при оценке доказательств такие решения, которые следователь, дознаватель или судья считают единственно правильными и в правильности которых не сомневаются даже перед собой [12, с. 106]. И.В. Макеева напоминает, что ст. 71 УПК РСФСР предписывала при оценке доказательств «руководствоваться законом и социалистическим правосознанием», и с принятием УПК РФ акцент сместился на нравственную категорию совести [5, с. 101].

Критерий «закон» также не обладает должной определённостью. Статья 17 УПК РФ не конкретизирует его содержание и не содержит отсылок к конкретным нормативным правовым актам. А.К. Аверченко и И.А. Лужная предлагают заменить «закон» более узким понятием «нормы уголовно-процессуального законодательства» [18, с. 326]. Такое сужение главной проблемы не решает. При оценке доказательств субъект неизбежно обращается к нормам, выходящим за пределы уголовно-процессуального законодательства, в частности к нормам уголовного, гражданского и административного права для установления предмета доказывания, а также к положениям Конституции РФ. Понятие «закон» в контексте оценки доказательств приобретает, следовательно, межотраслевой характер, оставаясь при этом внутренне неструктурированным.

Выход из методологического затруднения видится не в уточнении существующих понятий, а в их замене иной категорией, способной объединить и объективные требования, и нравственную составляющую. Такой категорией способно стать профессиональное правосознание. А.А. Черакшева и Е.И. Шигурова также считают, что «целесообразнее и логичнее в таком случае было бы употреблять термин «правосознание»» [6]. Профессиональное правосознание соединяет знание права, понимание целей и принципов уголовного судопроизводства, профессиональный опыт и следование этическим нормам в единую способность к оценке и придаёт нравственному критерию объективированную форму. Совесть становится элементом профессиональной компетенции, проявляющимся в осознании долга перед обществом и государством, в понимании социальной значимости принимаемого решения и в следовании этическим требованиям. Такое понимание созвучно позиции А.Ф. Кони, определявшего «судейскую совесть» как силу, поддерживающую судью и вносящую особый, возвышенный смысл в творимое им дело [19, с. 80]. Применительно к присяжным заседателям, не обладающим профессиональным правосознанием, совесть сохраняет значение самостоятельного критерия, что подтверждается текстом присяги, закреплённым в ст. 332 УПК РФ.

Как подчёркивает И.П. Попова, «наличие нравственных основ как раз позволяет иметь те ориентиры, которые необходимы правоприменителю в условиях излишней алгоритмизации деятельности» [20, с. 36]. Профессиональное правосознание объединяет объективные и субъективные компоненты принципа свободы оценки. Внутреннее убеждение, как было показано, не является ни исключительно логическим выводом, ни продуктом одной лишь совести. Профессиональное правосознание интегрирует эти разнородные элементы и направляет их на достижение целей уголовного судопроизводства, определённых в ст. 6 УПК РФ.

Проведённое исследование показывает, что субъектный состав принципа свободы оценки доказательств не исчерпывается перечнем должностных лиц, приведённым в ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Оценку доказательств как мыслительную деятельность осуществляют потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник, гражданский истец и гражданский ответчик, и признание этого обстоятельства способствовало бы защите прав личности и развитию состязательности. Внутреннее убеждение формируется при постоянном взаимодействии логики и эмоций и выступает одновременно методом и результатом оценки. Доступным для проверки это взаимодействие делает профессиональное правосознание субъекта. Критерии «закон» и «совесть» при внешней простоте с самого начала отличаются неопределённостью, заложенной в них законодателем. Их замена для профессиональных участников уголовного судопроизводства категорией профессионального правосознания сохраняет гуманистические начала правосудия и придаёт структуре принципа стройность и практическую применимость. Для присяжных заседателей совесть остаётся самостоятельным критерием оценки доказательств.

Литература

1. Тарнавский, О. А. Определение понятия принципа уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2012. — № 20, вып. 30. — С. 75–77.

2. Балакшин, В. С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2015. — Т. 25, вып. 4. — С. 75–83.

3. Белкин, А. Р. Теория доказывания : научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. — Москва : НОРМА, 1999. — 429 с.

4. Хорьяков, С. Н., Гордеев, А. Ю. Особенности практической реализации принципа свободы оценки доказательств на различных стадиях уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 12 (204). — С. 142–145. — DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_142.

5. Макеева, И. В. Правила и принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Экономика. Право. Общество. — 2022. — Т. 7, № 4 (32). — С. 100–105. — DOI: 10.21686/2411-118X-2022-4-100-105.

6. Черакшева, А. А., Шигурова, Е. И. Реализация принципа свободы оценки доказательств при вынесении приговора // Огарёв-online. — 2020. — Т. 8, № 14. — URL: https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/275203 (дата обращения: 11.10.2026).

7. Корнакова, С. В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Lex russica. — 2021. — Т. 74, № 9 (178). — С. 67–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.067-076.

8. Машовец, А. О., Иванов, Д. С. Особенности оценки доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 30–36. — DOI: 10.14529/law210105.

9. Пилюгина, Н. Н. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пилюгина Наталья Николаевна. — Саратов, 2007. — 194 с.

10. Машовец, А. О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1 (79). — С. 104–109. — DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.11.

11. Макеева, И. В. Оценка доказательств в уголовном процессе // Экономика. Право. Общество. — 2023. — Т. 8, № 3 (35). — С. 23–28. — DOI: 10.21686/2411-118X-2023-3-23-28.

12. Победкин, А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 1 (41). — С. 104–108.

13. Вилкова, Т. Ю. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Право и политика. — 2015. — № 7 (187). — С. 1008–1020. — DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15745.

14. Зотов, Д. В. Необходимые пределы доказывания в условиях концепции свободы внутреннего судейского убеждения // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 4 (41). — С. 658–664. — DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11256.

15. Халиков, А. Н. Содержание и критерии оценки доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран // Правовое государство: теория и практика. — 2026. — № 1 (83). — С. 173–181. — DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.17.

16. Будников, В. Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2010. — № 1. — С. 43–44.

17. Ряполова, Я. П., Снегирева, Д. Е. Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2018. — Т. 8, № 4 (29). — С. 151–161.

18. Аверченко, А. К., Лужная, И. А. Закон и совесть, как основные критерии формирования внутреннего убеждения судьи в процессе оценки доказательств по уголовному делу // Аллея науки. — 2020. — № 9 (48). — С. 323–327.

19. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Юриспруденция. — 2011. — № 1. — С. 69–94.

20. Попова, И. П. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: новые вызовы // Судебная власть и уголовный процесс. — 2023. — № 2. — С. 33–38.

Structure of the free evaluation of evidence in criminal proceedings of the Russian Federation

Gaponov K.V.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article treats the free evaluation of evidence both as a principle of criminal proceedings and as a method by which information from the case file becomes the basis of a procedural decision. The author identifies three structural elements of the principle, namely the subjects of evaluation, inner conviction and the criteria of evaluation. The article distinguishes the capacity to evaluate evidence, which all participants in the proceedings possess, from the power to base a decision on one's own evaluation, which belongs to officials and the court. Inner conviction is presented as a unity of knowledge, logic, emotions and will that serves both as the method and as the result of evaluation, and the influence of anger and fear on certainty and doubt is shown. For officials, the author proposes to replace the criteria of law and conscience with professional legal consciousness, while for jurors conscience retains its independent significance.

Keywords: criminal procedure, free evaluation of evidence, principles of criminal proceedings, inner conviction, subjects of evaluation of evidence, professional legal consciousness, conscience, jurors.

References

1. Tarnavsky, O. A. Definition of the concept of the principle of criminal proceedings // Bulletin of the South Ural State University. The Pravo series. - 2012. — No. 20, issue 30. — pp. 75-77.
2. Balakshin, V. S. The principle of freedom of evaluation of evidence in the system of principles of Russian criminal justice // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2015. Vol. 25, issue 4. pp. 75-83.
3. Belkin, A. R. Theory of proof : a scientific and methodological guide / A. R. Belkin. Moscow : NORMA Publ., 1999. 429 p.
4. Khoryakov, S. N., Gordeev, A. Yu. Features of the practical implementation of the principle of freedom to evaluate evidence at various stages of criminal proceedings // Law and the State: theory and practice. — 2021. — № 12 (204). — Pp. 142-145. — DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_142.
5. Makeeva, I. V. Rules and principles of evidence assessment in criminal proceedings // Economy. Right. Society. — 2022. — Vol. 7, No. 4 (32). — pp. 100-105. — DOI: 10.21686/2411-118X-2022-4-100-105 .
6. Cheraksheva, A. A., Shigurova, E. I. Implementation of the principle of freedom of evaluation of evidence in sentencing // Ogarev-online. — 2020. — Vol. 8, No. 14. — URL: https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/275203 (date of request: 10/11/2026).
7. Kornakova, S. V. On the discussion of the properties of relevance, admissibility and reliability of criminal procedural evidence // Lex russica. — 2021. — Vol. 74, No. 9 (178). — pp. 67-76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.067-076.
8. Mashovets, A. O., Ivanov, D. S. Features of the evaluation of evidence in court proceedings with the participation of jurors // Bulletin of the South Ural State University. The Pravo series. — 2021. — Vol. 21, No. 1. — pp. 30-36. — DOI: 10.14529/law210105.
9. Pilyugina, N. N. Freedom of evaluation of evidence in criminal proceedings : dis. ... kand. jurid. Sciences : 12.00.09 / Pilyugina Natalia Nikolaevna. — Saratov, 2007. — 194 p.
10. Mashovets, A. O. Inner conviction or standard of proof? // The rule of law: theory and practice. — 2025. — № 1 (79). — Pp. 104-109. — DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.11.
11. Makeeva, I. V. Evaluation of evidence in criminal proceedings // Economics. Right. Society. — 2023. — Vol. 8, No. 3 (35). — pp. 23-28. — DOI: 10.21686/2411-118X-2023-3-23-28.
12. Pobedkin, A.V. The principle of freedom of evaluation of evidence and its impact on the legality of pre-trial proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — № 1 (41). — Pp. 104-108.
13. Vilkova, T. Y. Freedom of evaluation of evidence in criminal proceedings: legal foundations, content, guarantees // Law and Policy. — 2015. — № 7 (187). — Pp. 1008-1020. — DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15745.
14. Zotov, D. V. Necessary limits of proof in the context of the concept of freedom of internal judicial conviction // Actual problems of Russian law. — 2014. — № 4 (41). — Pp. 658-664. — DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11256.
15. Khalikov, A. N. The content and criteria for evaluating evidence in the criminal process of Russia and foreign countries // The rule of law: theory and practice. — 2026. — № 1 (83). — Pp. 173-181. — DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.17.
16. Budnikov, V. L. Conscience as a moral criterion of proof in criminal proceedings // Russian Justice. - 2010. — No. 1. — pp. 43-44.
17. Ryapolova, Ya. P., Snegireva, D. E. Conscience as a moral criterion for evaluating evidence in criminal proceedings // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. - 2018. — Vol. 8, No. 4 (29). — pp. 151-161.
18. Averchenko, A. K., Luzhnaya, I. A. Law and conscience as the main criteria for the formation of a judge's inner conviction in the process of evaluating evidence in a criminal case // Alley of Science. — 2020. — № 9 (48). — Pp. 323-327.
19. Koni, A. F. Moral principles in the criminal process (General features of judicial ethics) // Jurisprudence. — 2011. — No. 1. — pp. 69-94.
20. Popova, I. P. Moral principles in criminal proceedings: new challenges // Judicial power and criminal procedure. — 2023. — No. 2. — pp. 33-38.